

Соотечественники

Российская газета. - 1992 - 18 янв.

Наум КОРЖАВИН:

И В ЖИЗНИ, И В ПОЛИТИКЕ Я ПОКЛАДИСТ

Американский подданный, 66-летний поэт Наум Коржавин, знакомый со сталинскими репрессиями не понаслышке, уже четвертый раз за последние «перестроечные» годы приезжает в нашу страну И так уж получилось, что в день нашего разговора у Наума Моисеевича вышла грустная годовщина — в такой же декабрьский день 44 года назад за ним пришли из тогдашнего МГБ.

— Взяли меня за то, что писал и читал среди знакомых стихи антисоветского содержания. Потом уже статью переделали на «идеологически невыдержанного», и я попал в ссылку. И это было великое счастье. В общем, живой остался.

Рубежная для меня дата — введение войск в Чехословакию. После нее стало бессмысленно жить. Понимаете, когда ты слышишь, что «весь советский народ приветствует введение войск в Чехословакию»... И сидишь, сгорая на медленном огне, и сделать ничего не можешь. До того тошно стало жить...

Ну а потом меня еще стали вызывать свидетелем по делу, к которому я не имел никакого отношения. Это была капля, переполнившая чашу. Я решил — и уехал.

Поймите, и у американского правительства могут быть шаги с которыми трудно согласиться. Но там никто не говорит что «весь американский народ как один человек» славит своего президента и согласен с его решением. Наоборот, все начинают его поносить. И иногда глупо. Но это уже другое дело.

Нашим же правителям нужно было, чтобы весь советский народ их одобрял. Любую глупость! Дураки придумывали, а умные потом выступали с докладами, где обосновывали дурацкое решение. Мне когда-то хотелось написать стихотворение, в котором должны были быть строки:

О люди долга, чести и морали!

Вам подлецы секреты доверяли...

И вы хранили подлые секреты...

Я понимаю, конечно, что тогда так нужно было жить, и людей не осуждаю за это. А ситуацию — да.

— Наум Моисеевич, в этот приезд вы застали уже обломки бывшей империи. Мы знаем, что у вас свой, особый взгляд на этот естественный, по мнению многих, процесс.

— Пусть процесс сам за себя и беспокоится. И вообще не люблю, когда об истории говорят как о химическом или физическом процессе. А это — живые люди. И мне их жалко.

Это же пережитки марксизма — беспокоиться за процесс, за историю. Я должен беспокоиться только за добро и зло.

В распаде империи же ничего естественного, натурального не вижу, а только, к сожалению, самоутверждение тех активистов-политиков, которых мало интересуют реальные интересы своих же народов.

Поймите, решаются жизненные вопросы, касающиеся многих миллионов людей, а вместо дела — интеллигентский треп. А простым людям вообще интеллектуальные изыски неинтересны. Они жить должны! А для многих, в том числе и беженцев, распад Союза и выжванные им страсти — это развал жизни вообще, за которым ничего нет. Ведь в нашей стране и «национализмы» все равно советские...

У нас же уже все было — все это политическое творчество. Нам уже поумнеть пора. И сохранить свою ци-

виллизацию, а не рушить и строить заново.

Я призываю: давайте откажемся от политического творчества вообще. Политика — не творчество. Политика — это стремление жить, договариваясь, как обустроить. Это дело не божественное, а земное.

Это отнюдь не значит, что надо отказываться от духовной жизни. Наоборот, нам надо думать о сохранении той культуры, которая стоит за нами. А если человек не будет мыслить, читать, развиваться духовно, он все это потеряет.

Например, кто-то хочет Татарстан до Астрахани растянуть, хотя большинству татар это не нужно совсем. И Якутию отделить с алмазами. Но ведь не одни же якуты их открывали и добывают, верно?

Это не такая простая история — произнести красивую фразу и сделать ручкой. Распад — вещь кровавая.

Конечно, с фактами в политике считаться необходимо. Но в главном надо оставаться самим собой. Надо думать о том, что мы защищаем, чувствовать границы этого пространства, понимать,

чем мы можем поступиться, чем — нет.

— Что же тогда спасет Россию?

— В конечном счете — объединение. И в глобальном масштабе, и в более частном. Объединение, союз — вещь хорошая. Вообще и в жизни, да и в политике я очень покладист. Ведь рядом могут жить люди, которые мне не нравятся, но жить-то они должны все равно!

В искусстве же того, что мне не нравится, я не переношу. Бывает, правда, что и меня не могут терпеть.

— Что же вам трудно принять в искусстве?

— Это долгий разговор. Вкратце — все неподлинное. Не переношу, когда автор не стремится, даже самовыражаясь, к катарсису, к высочайшему приобщению. Биолог Ухтомский определял жизнь как требование от бытия смысла и красоты. К поэзии, во всяком случае, это относится совершенно явно. Многие можно сказать по этому поводу... Но в другой раз.

— Наум Моисеевич, вы были знакомы с Сахаровым... Какая черта его характера запомнилась вам больше всего?

— Точность и ответственность. Если он что-нибудь принимал, то заставить его отказаться от решения было невозможно.

Я познакомился с ним за несколько месяцев до отъезда. Как-то после истории с налетом террористов из «Черного сентября» моя жена его спросила: «Андрей Дмитриевич, вам было страшно?» Как бы вы ответили? Кто-то сказал бы: «Да». Другой — «страшно но держался». Он не ответил ни так, ни этак. Задумался все взвесил в голове, а потом просто сказал: «Нет, пожалуй». Задан вопрос — он ответил максимально точно. Это было не хвастовство, а точная формулировка состояния, свойст-

венная ему как ученому. Он всегда оставался точно мыслящим ученым. Потом я встречался с ним и в Америке. Он не изменился.

— Как, на ваш взгляд,живется на Западе русским эмигрантам?

— Думаю, неплохо. В Америке, например, русские — в числе самых преуспевающих нацменьшинств.

— Они хорошо работают?

— Да. Потому что в их работе есть личный смысл. Человек может сам строить свою жизнь, а русскому это необходимо, как и всякому другому.

— А не тянет ли обратно на Родину? Или вырвались — и слава Богу?

— Если говорить о «третьей волне», то у многих такое чувство было. Но когда началась перестройка, появился и интерес. У старой эмиграции корень почти не осталось, но причастность никогда не пропадала. Многие ездят в Россию, хотя большинство вряд ли захотели бы вернуться назад. Ведь многие «русские» в Америке просто родились.

— Наум Моисеевич, сейчас многие из наших соотечественников уже буквально сидят на чемоданах. Как у вас относятся именно к русским эмигрантам?

— По-всякому. Иногда как к конкурентам, а вообще — как жизнь сложится. Но я бы не сказал, что относятся плохо.

А как люди живут? Живут...

Ведь жизнь у человека — это прежде всего хорошие, чистые семейные отношения, дети. И любовь. Я всегда желал людям любви...

— Но верите ли вы в возрождение России?

— Я не могу обойтись без него.

Наталья БОБРОВА.

Фото Николая КОЧНЕВА.